

А. П. ЕВГЕНЬЕВА

Два новых текста XVIII в. былины о Михаиле Потыке

Собирание старинных рукописей и изучение имеющихся рукописных собраний обогащает наши сведения о жизни устных народных произведений. За последние десять лет были опубликованы 7 былинных текстов XVII—XVIII вв., обнаруженных в рукописных сборниках. Вместе с известными ранее это составляет 29 текстов¹ (не считая текстов в Сборнике Кирши Данилова, занимающего особое место по содержанию и характеру записей). Эти 29 текстов представляют собой одиночные произведения, включенные в рукописные сборники различного содержания, или, что реже, находятся в отдельных самостоятельных тетрадочках.

Одиночные тексты былин имеют большой интерес не только для истории устного народного творчества, но и для проблемы связей и отношений между устной и письменной литературой. Известные в настоящее время 29 текстов (включаем сюда былины и тексты былинного содержания) не совпадают по количеству сюжетов, их девять: 1) былина об Илье Муромце, 2) былина о Михаиле Потыке, 3) былина о Ставре Годиновиче, 4) былина об Иване Годиновиче, 5) былина об Алеше и Тугарине, 6) былина о Михаиле Даниловиче, 7) былина о Сухане, 8) Сказание о киевских богатырях, 9) стоящий особняком текст об «отликом добром молодце».

Наибольшим количеством текстов представлены былина об Илье Муромце (11 текстов) и былина о Михаиле Потыке (4 текста). Ниже публикуются еще 2 текста былины о Михаиле Потыке, до сих пор не известные в литературе; таким образом, в настоящее время мы располагаем шестью текстами этой былины, находящимися в рукописных сборниках XVII—XVIII вв.

Сопоставление различных текстов одного и того же сюжета раскрывает процесс переработки устного произведения и вхождения его в письменную традицию. Уже с начала XVII в., когда в рукописных сборниках появляются записи былин (возможно, и ранее) судьба этих одиночных произведений — все более глубокое вхождение в новый для них ряд книжных, письменных произведений, совершающееся почти при каждом последующем копировании.

Очень характерны в этом отношении тексты былины о Михаиле Потыке. Как сказано выше, их шесть вместе с публикуемыми здесь двумя текстами:

1. ГПБ, Буслаевский сборник, О.XVII.44, конца XVII в. Опубликован 2 раза: 1) Л. Н. Майковым (Материалы и исследования по старинной

¹ См. статью Б. М. Соколова «Былины старинной записи», в которой были подведены итоги тому, что было найдено из старых записей былин после публикации Н. С. Тихонравова, и публиковались новые тексты. Из опубликованных Б. М. Соколовым текстов мы не считаем двух, относящихся к началу XIX в. (см.: Этнография, № 1—2, 1926; №№ 1, 2, 1927).

русской литературе, III, СПб., 1891), 2) Н. С. Тихонравовым и В. Ф. Миллером (*Русские былины старой и новой записи*. М., 1894).

2. ВБЛ, Тихонр. 361, около 1740 г. Опубликовано в статье Н. С. Тихонравова «Пять былин по рукописям XVIII в.» (*Этнографическое обозрение*, 1891) и перепечатан в сборнике «Русские былины старой и новой записи» (М., 1894).

3. ВБЛ, Тихонр. 399, около 1744 г. Опубликовано в тех же изданиях, что и предыдущий.

4. ГИМ, сборник Забелина, № 536, конца XVIII в., опубликованный Б. М. Соколовым в статье «Былины старинной записи».

5. ВБЛ, собр. Овчинникова, № 522, 1738 г. Публикуется ниже.

6. БАН, 26.8.41, середина XVIII в. Публикуется ниже.

Описания четырех первых текстов сделаны их издателями, остановимся поэтому на двух последних.

Большой интерес представляет текст из собрания Овчинникова.

Это сборник, в 4-ку, писан полууставом, на 166 лл., состоит из тетрадей и имеет три даты: 1738 г. — дата при тексте былины о Потыке, на следующих за ней листах: 1749 и 1766 гг. Водяные знаки: литеры «Р. Ф.» в раме (л. 2), трезубец, литеры «Н. К.» в раме (л. 20), медведь на щите (лл. 146, 147). На листах, содержащих текст былины о Потыке, водяных знаков нет. На первом листе сборника надпись: «Владимирской губернии Суздальской округи вотчины господина Трегубова, еще тумской округи купца Пётра Феодорова Шиломова... (?) Пеетра Алексеича... (неясно) купиль (?) Владимирской округи Сьнатроицкому уезду (?)». В сборнике 11 статей: 1) Сказание о Бове королевиче, 2) Об индейском царстве, 3) Сказание о зверях и птицах, 4) Космография, 5) Слово о Сампсоне Пресильном, 6) Сказание о трех богатырях земли светорусские: о Илье Муромце, о Иване Потыке, о Алеше Поповиче, 7) Прение скomorоха с жидовином, 8) Летописец от 1679 г. (годы 1154—1676), 9) Беседа царя Давида с Володом Волотовичем, 10) Беседа святых отцов, 11) Беседа трех святителей.

Второй публикуемый здесь текст (рукопись БАН, 26.8.41) представляет собой маленькую тетрадку, в 8-ку, состоящую из 16 листов, писанную скорописью XVIII в. По почерку и бумаге может датироваться серединой века, в крайнем случае началом второй половины XVIII в. Верхняя часть первого и нижняя последнего листов очень потемнели. В 1940 г., когда была сделана копия этого текста, можно было прочесть довольно свободно первый лист, в настоящее время прочесть уже нельзя. Текст имеет надпись, идущую по одному слову в верхней части лл. 3—8, 10—16: «Ферапонтова Бълоезерского монастыря дьяконова сына Василья Соколова. Писал онъ самъ, а подписал того жь месяца». Текст носит следующее название: «Сказание о трехъ богатырѣхъ киевскихъ, о славныхъ витезехъ, о Илье Муромце, и о Михайлѣ Потокѣ Ивановиче, и о Олеше Поповиче». Наиболее ранний текст конца XVII в., опубликованный Л. Н. Майковым, по словам его первого издателя и Н. С. Тихонравова, представляет собой запись по памяти или с «пословесной» передачи. Это заявление подтверждается и более углубленным анализом языка текста XVII в., в котором очень незначительны нарушения в стихе, сохранена вся обрядность устного произведения и отражены диалектные особенности с такой яркостью, что без особого труда можно локализовать текст.

Б. М. Соколов в названной выше статье, публикуя текст былины о Потыке из Забелинского сборника конца XVIII в., высказал предположение, что и текст XVII в. представляет собой копию, а не первичное занесение на бумагу устного произведения. Но соображения, представленные

ные им, неубедительны, так как следов более раннего текста в последующих копиях нельзя найти, их нет и в известном нам тексте XVII в. Именно этот, а не какой-либо другой текст лежит в основе последующих, хотя последующие тексты могли быть сделаны и не непосредственно с текста XVII в., что и было в действительности. Доказательством этого являются яркие диалектизмы фонетического и лексического характера текста XVII в., которые в разных случаях и в разных положениях проявляются в текстах XVIII в.

Текст XVII в. с резко акающей окраской, с проявлением резких диалектно ограниченных особенностей, которые, несмотря на попытки уничтожения их (к чему явно стремились последующие переписчики при копировании), сохранились в единичных случаях в текстах XVIII в. и связывают их с текстом XVII в.

По времени появления известные нам тексты былины о Потыке распределяются таким образом: 1) текст XVII в. (ГПБ, О.ХVII.44); 2) текст, датирующийся в рукописи 1738 г. (ВБЛ, собр. Овчинникова, № 522); 3) текст 1740 г. (ВБЛ, Тихонр. 361); 4) текст 1744 г. (ВБЛ, Тихонр. 399); 5) текст середины XVIII в. (БАН, 26.8.41); 6) Текст конца XVIII в. (ГИМ, Забелинский сборник, № 536).

По большей сохранности стиха и специфических особенностей устного произведения на первом месте, кроме записи XVII в., стоит текст 1738 г., (собр. Овчинникова, № 522), далее идет текст 1740 г. (Тихонр. 361), еще далее — текст 1744 г. (Тихонр. 399). Два последних содержат наибольшее количество изменений, хотя по содержанию, сохранности фабулы забелинский является наиболее интересным и обширным.

Эти шесть текстов отнюдь нельзя выстроить в один ряд, представляющий собой копию с копии, хотя в более поздних по времени копиях мы и находим наибольшее количество изменений. Тексты эти в отношении к своему первоисточнику распадаются на две группы: первая объединяет списки: XVII в., Овчинникова и Забелина; вторая — Тихонр. 361, Тихонр. 399 и БАН, 26.8.41. Но и внутри групп отношения можно представить себе таким образом: в первой группе первоисточник — текст XVII в., с него копия (не известная нам), затем текст 1738 г. (собр. Овчинникова, № 522), представляющий копию с копии; текст в Забелинском сборнике (№ 536) является самой поздней копией, причем сделанной, вероятно, непосредственно с текста XVII в., хотя эта «копия» содержит много изменений, но это находится в полном соответствии с тенденциями конца XVIII в. в отношении к произведениям устной поэзии.

Во второй группе все три текста сделаны с копии, но своеобразной, так как она вначале дополняет текст XVII в., а в конце сокращает, давая чрезвычайно сжатый пересказ в форме перечня фактов. Возможно, не для всех этих трех текстов второй группы оригиналом служила только одна копия. Судя по особенностям ошибок и отступлений, были 2 копии (но копия с копии). Текст из собр. Овчинникова интересен тем, что в конце имеет следующую приписку: «Списано с киевской с печатной типографии за номером руки князя Владимира 1738 1 числа».

Попытки найти какие-либо следы, подтверждающие эту приписку, пока ничего не дали. Приписка эта довольно загадочна, так как текст стоит наиболее близко к оригиналу XVII в. и в эту группу входит только поздний Забелинский текст, представляющий собой «книжную» копию с оригинала XVII в.

Вторая группа текстов идет, несомненно, от другой копии, сделанной с оригинала XVII в., следовательно, текст из собрания Овчинникова единичен. Трудно представить, чтобы так могли сложиться обстоятельства,

если бы былина о Михаиле Потыке была в действительности напечатана. Совершенно иначе обстоит дело с текстами былины об Илье Муромце: все известные нам тексты XVIII в. чрезвычайно близки, во многих случаях — до полного совпадения. Объясняется это не только популярностью сюжета, а и тем, что былина об Илье была напечатана, она вошла в лубочную литературу. Лубок поддерживал ее сохранность.

Текст былины о Михаиле Потыке в собрании БАН, 26.8.41 стоит во второй группе текстов и должен быть поставлен на последнем месте, так как на нем сильнее, чем на других, сказались изменения в соответствии с жизнью произведения в новой функции. Наиболее ярко они проявляются в следующем: 1) в изменении структуры предложения, обусловленном нормами книжной речи, которые привели к опущению союзов и частиц, к изменению порядка слов в предложении; 2) в изменении структуры прямой речи и переводе ее в косвенную; 3) в сокращении или упразднении «обрядности», характерной для устных произведений и в целом ряде других более частных деталей.

Сказание о трех богатырех земли/светорусские о Илье Муромце о Иване Потоке о Олеше Поповиче¹

л. 126 В столномъ граде Кieve у великаго кня/зя Владимира киевскаго и Всеславеви/ча было пированье почестное на мно/гие князи и бояри, на сильные могучие /богатыри, и на вся удалые молотцы. И какъ / будетъ у нихъ пиръ на веселие, что взгово/рить велики кн[я]зь киевский Всеславеви/чъ: / «Ой вы, ой еси, кн[я]зи бояри и сильные могу/чие богатыри, есть ли у меня кому служит / три службы великие, хто бы ехоль в землю / турскую, взял бы дани и выходы, а хто бы / ехоль в землю задонскую и взяль бы дани / и выходы, а хто бы ехаль в землю алвиц/кую, взяли бы дани и выходы за тридцать летъ и за три годы». Вставае тутъ съ

л. 126 об.

места || богатырска Илья Муромецъ с[ы]нъ Иванови/чъ а самъ взговорить таково слово: «Светъ / ты г[осу]д[а]рь, великий кн[я]зь Владимиръ киевский, / что никто, г[осу]д[а]рь, тебе ответу не даетъ? болшой / хоронитца за меньшаго, а у меньшаго ответу не/тъ». Самъ взговорит таково слово: «Я, г[осу]д[а]рь, / поеду в землю турскую, возму дани-выхо/ды». Что взговоритъ Михайла Потокъ Иванови/чъ: «А я, г[осу]д[а]рь, поеду в землю задонскую, во/зму дани и выходы». Что взговоритъ Олеша Попови/чъ: «А я, г[осу]д[а]рь, поеду в землю алвиц/кую, возму дани и выходы за 30 летъ и за / три годы». И великому кн[я]зю то слово по/любилось, наливает онъ кубецъ меду слад/кова. И великому кн[я]зю называются братьями / названными, и с великимъ кн[я]земъ прощаютьца, / и едутъ из града Кieва.

И какъ будутъ да/лече во чистомъ поле, межъ собою слово молвили: л. 127 || «Ой еси вы, братцы милые, хто у нас напередъ / приедетъ до Кieва, а ково после не будетъ, и / намъ ехать тово сыскивать». И простясь о/ни поехали розно, всякъ своимъ путемъ. /

Михайла Потокъ Иванови/чъ едетъ подле / моря синева, ажна плаваеъ по морю лебедь белая. И Михайло вынимаеъ из налучья свой крепкой лукъ, ис колча/на на калену стрелу: убить хотелъ лебедь бе/лую. И она ему провещала человеческимъ / голосомъ. «Ой ты ой еси, руской богатыр /Михайла Потокъ Иванови/чъ, не стреляй / меня, лебедь белую, я по морю плаваю, / лебедь белая, а пред тобою стану красна/ю девицею». И Михайла не успеть стрелы положит в налучь крепкаго лука своего, / а в кол-

¹ Рукопись ВБЛ, собр. Овчинникова, XVIII в. в 4-ку, полуустав, 166 лл., на лл. 126—140.

чань калены стрелы положить, ажно || перед нимъ стала красною девицею. И / Михале она полюбилася, беретъ ея за / руки за белые и целует ея во уста сахарны/е и сажаетъ ея на свой доброй конь. И / поехали с ней в ц[а]р[с]тво задонское и взявъ / дани и выходы и едетъ к Киеву, а лебедь белую с собою везет. л. 127 об.

И приезжает Михайло в Киевъ град, и сто/новитца на свой богатырской дворъ, и / пошелъ х князю Владимиру киевскому / и Всеславевичу, а самъ говоритъ таково слово: «Свет г[осу]д[а]р[ь], кн[я]з[ь] Владимиръ киевский, от / меня тебе служба заслужена, привесь / дани и выходы». Что взговоритъ кн[я]з[ь] Вла/димиръ киевски: «Ой еси, Михайла Потокъ Ивановичь, у меня тебе золота / казна не замкнута, и погребы не запе/чатаны, и добры кони на стойле не заперты». || И подносит ему зелена вина, и запивают л. 128

ме/ды сладкими. И Михайла Потокъ Ивановичь бьет челом / о сыру землю, самъ взговоритъ таково с/лово: «Свет г[осу]д[а]р[ь], великий кн[я]з[ь] Владимиръ киевский! ехаль я возле моря синева, ажно / по морю плавают лебедь белая, и вынелъ из на/лука свой крепкой лукъ, а ис колчана калину стрелу и хотелъ убить лебедь белую, и она / провеждала ч[е]л[о]в[е]ч[ес]кимъ голосомъ, и я не / успелъ положит в налучь свой крепкой лукъ, а в колчанъ калены стрелы, ажно пере/до мною стала красною девицею. И ныне / она мне полюбилася, что лицемъ лепа / и привесь ея во Киевъ градъ». Что взгово/рит таково слово великий кн[я]з[ь] Владимир / киевский: «Михайла Потокъ Ивановичь, пе/репусти мне тое де[ви]цу красную». Что възгово||рит Михайла Потокъ Ивановичь: «Я тое де/вицу взявъ на си- л. 128 об.

немъ море, ты поедь, та/кову жъ возми, я самъ с нею свенчаюся». / Крестиль ея и венчалъ владыка черниговс/ки, а даль ей имя лебедь белая Авдот/я Лихотовна. И почель с ней любезна жит. / И живетъ с нею два года, а охотникъ был / ездит во чисто поле тешитса по м[е]сяц[у] и по / три и 5. И поехалъ Михайла во чисто / поле тешитса ровно на два м[е]сяц[а], / а без нево пришелъ купчина Золотой / Орды с товары заморскими, и пошла / Михайлова жена заморскихъ товаро/въ смотрит. И увидель купчина Золотой / Орды красоту лица ея и почель разпра/шивати, чья де та жена, какъ ея зовуть / по имени. И почали ему люди рассказы- л. 129

ват та-де || жена богатыря светорускова Михайлы По/тока Ивановича /. Купчина почал продават товары на/скоре, едетъ во свою землю и почаль / пити и ести и веселитса. И какъ будетъ / в Золотой Орде, и почаль рас- казывать / царю Кощею: «сколко-де я, г[осу]д[а]р[ь] царь Кощей, / не ежжи- валь по инымъ землямъ купчино/ю 30 летъ и три годы, а такой прекрас- ной / жены не видываль, какъ есть в Киеве у бо/гатыря светорускова у Михайлы Потока / Ивановича жена лебедь белая, лицемъ зо/ло красна». И почель ц[а]р[ь] Кощей собиратися / со всею силою. И собравъ силу сорокъ тысець / и пошелъ под Киевъ градъ и Киевъ осади / на- крепко. Посылает посланика своего к вели/кому кн[я]зю Владимиру киевскому: «Ой еси, / кн[я]з[ь] Владимиръ киевски, отдай мне Михайлову || жену лебедь белую, и мы от Киева проч / пойдемъ. А будет ты не отгашь намъ ея, / и мы Киевъ градъ взятвемъ возмемъ». / И великий кн[я]з[ь] взговорит л. 129 об.

таково слово: / «Ой еси вы, граждане и все мужики кие/вляня, думайте да не продумайтесь, от/дават ли Михайлову жену или нетъ, то/перева у насъ в Киеве богатырей не лучилось, / некому выехат противъ силы ко- щевы». / Что взговорят мужики киевские: «Свет / г[осу]д[а]р[ь] великий кн[я]з[ь] Владимиръ киевски, до/селева в Киеве граде Михайловы жены / не бывало, и ц[а]р[ь] Кощей под Киевъ градъ / не прихаживаль и Киева накрепко не / осаживаль, — отгададимъ Михайлову / жену». / Ажно едет ис поля Михайла Потокъ / Ивановичь, скачетъ чрезъ стену каменную || стоно- л. 130

витца на свой богатырской двор, въ/стречаетъ ево лебедь белая, сама

взгово/рить таково слово: / «Светь Михайла Потокъ Иванович, при/шелъ под Киевъ градъ ц[а]рь Кошей Золотой / Орды, а с нимъ силы 40 000, а просить меня / ис Киева, и мужики киевские придумали / отдать мене». Что взговорить Михайла Потокъ Ива/нович: «Собаки мужики киевлена, з/делялися бы они о своими женами / и дочерми, а я самъ за свою жену / стану битися с погаными во чистомъ поле. / И садится онъ на свой доброй конь и едетъ / во чисто поле и побиваетъ силу коще/еву, и Кошей ц[а]рь одва сам десять ушел / в свою землю. А Михайла Потокъ Ивановичъ || нача пити и ясти и веселитися. И живет онъ / без выезду ровно три м[е]сяца, а товари² его еще въ / Киевъ градъ не приехали. /

И поехалъ Михайла во чисто поле теши/тся ровно на три м[е]сяца. А без него ц[а]рь Кошей собралъ силы 60 000 и Киевъ градъ осадилъ на/крепко и посылает посла своего к вели/кому кн[я]зю Владимиру киевскому: «Ой еси, / кн[я]зь Владимир киевский, отдай ты мне Ми/хайлову жену лебедь белую, и мы от Киева / прочь пойдемъ, а буде не отдашь Миха/йловой жены, и мы Киевъ градъ взьемъ / возьмемъ, а людей всехъ в Киеве вырубимъ, а женъ и детей в полонъ возьмемъ, а тебе кн[я]зю живу очи вынемъ». / Что взговорит великий кн[я]зь Владимиръ || киевски: «О еси вы, мужики киевляне, думайте да не продумайтесь, отдават ли Михайлову / или нетъ». Что взговорять мужики ки/евляне: «Светь г[осу]д[а]рь, великий кн[я]зь Влади/меръ киевский, доселева есми в Киеве Миха/йловой жены не было и ц[а]рь Кошей под Ки/евъ градъ не прихаживаль и Киева накре/пко не осаживаль и тебе тое кручины не / было. Отдадимъ Михайлову жену». А то/во оне не ведаютъ, что Михайла бьется / третьей д[е]нь и побилъ силу кощеу, и Ко/шей ц[а]рь одва сам шесть ушелъ во свою землю. / Михайло побил силу кощеу и едет на³ / свой богатырской дворъ. И встречаютъ / ево люди дворовые, а сказывают вести не/добрые, что лебедь белая переставилась. / И тутъ Михайло закручинилъ, что никто / ево не встречаетъ и за руки не принимаетъ / и во уста не целует. И идетъ во отхожую горницу, || гдѣ жила жена ево, ажно лежит мерт/вая жена ево, покрыта камкою белою. / И почаль Михайло прощатися, а самъ въз/говорит таково слово: «Помню я самъ, / что у меня с тобою молвлено». И велель / могилу выкопать и гробницу класть ка/менную, что двумъ ч[е]л[о]в[е]комъ сидма сидъ/ма сидеть и лежма лежать и стойма / стоять. И зоветь на погребение кн[я]зю Владимира и владыку черниговского и кня/зей и боярь. И они пожаловали, пришли / на погребение кн[я]зь Владимиръ киевски и / владыко черниговски и кн[я]зи и бояри. И / почель класть Михайла Потокъ Ивано/вичъ свою жену лебедь белую, а самъ с не/ю живъ ложится. / Что взговорить кн[я]зь Владимир кие/ский и владыко черниговски и кн[я]зи и бояри || и вси киевляне: «Где то слыхано, чтобы / живые ложилися съ мертвыми? А ты жи/въ ложисся для жены своея, найдемъ / мы девокъ в Киеве, захошь боярскую или / княженскую или девку посацкую, тако/ва шъ тебе жена будетъ». / И Михайло взговорить таково слово: / «Знайте вы всякъ себя, закапывай не ме/шкайте». И велель великий кн[я]зь накладыва/ть досками дубовыми, засыпайте песка/ми желтыми, над могилою ставили сторо/жу крепкую: «Какъ Михайло скуча станет / кричать громким голосомъ, и вы вы/пускайте ево из могилы вонъ». И похо/роня ево, по домамъ пошли. И бысть / Михайла день до вечера. И какъ будетъ / о полуночи, ажно пришла змея лютая, || гробницу проела и посла во гробницу / дву змиенковъ. И змиенки нача лебедь / белую ссать за груди белые. И Михайло / ухватилъ дву змиенковъ и почаль

² Так в ркп.

³ На полях приписка умерла Михайлова жена.

рвать / надвое. И змия ему провеждала ч[е]л[о]в[е]чески/мъ голосомъ: «Ой еси, Михайла Потокъ / Ивановичъ, не рви моих змиенокв, а я / тебе принесу живой воды и мертвой». / Что взговоритъ Михайла Потокъ Ива/новичъ: «Поди, змия лютая, принеси мне / живой воды». И Михайла Потокъ Ива/новичъ нача рвать змиеноквъ в малые кро/шки и нача покропляет водою свежею, и / змиенки ожили. И покропляет водою Ми/хайла жену свою, и жена ево будто от сна / востала. И он змиеноквъ отпустилъ, а самъ / засвисталъ громъкимъ голосомъ. И караулъ||щики все попадали. л. 133 и почали разкапы/вать. И идетъ Михайло из могилы и веде/тъ за руку жену свою. И тутъ караульщи/ки удивилися, что была Михайлова / жена мертвая, а ныне Михайло оживи/лъ ее. И почале пити и ясти и веселити/ся любезно. И живет с нею ровно два го/ды, а товарищи ево еще в Киевъ не приехали.

И поехал Михайло во чисто поле тешит/ся равно на пят м[е]сяц[е]въ, и без нево при/шелъ ц[а]р[ь] Кощей Золотой Орды, а с нимъ / силы 100 000. И пришелъ под Киевъ градъ и Ки/евъ осадилъ накрепко и посылаетъ / посланника своего к великому кн[я]зю / Владимиру киевскому: «Ой еси, великий / кн[я]зь киевский, отдай мне Михайлову же/ну, и мы от града одедемъ прочь, а буде не отдашь, || и мы Киевъ градъ осадимъ накрепко, / а людей всехъ вырубимъ, а женъ и детей / в полонъ возьмемъ, а тебе, великому князю, очи вынемъ живу». / Что взговоритъ великий князь Владимиръ / киевский Всеславевичъ: «Ой еси вы, кн[я]зи и бо/яри и все мужики киевлена, думайте да / не продумайтесь, отдават ли Михайлову / жену или нетъ, а топерева у насъ в Киеве / богатырей не лучилося, некому выехать / противъ силы кощейевы, а Михайла серди/тъ придет, станеть побиват мужиковъ / киевскихъ». / Что взговорят кн[я]зи и бояря и все мужики киевлена: «Светъ г[о]су[д]а[р]ь, великий кн[я]зь / Владимиръ киевский, доселева, г[о]су[д]а[р]ь, в Киеве / Михайловой жены не бывало, и ц[а]р[ь] Кощей / под Киевъ градъ не прихаживалъ и Кие/ва накрепко не осаживалъ, отдадимъ Михайлову || жену ц[а]рю Кощею Золотой Орде. л. 133 об. а Михайлу / дадимъ выбирать во всемъ граде Киеве / где хошет, там и возметъ, хоть кнейню, / хоть боярскую, хог девку посацкую, такова/жъ ему жена будеть». И взяли Михайлову / жену за руки белые и надевают на нее плате драгоценное и повели к ц[а]рю Кощею / Золотой⁴ Орде. И ц[а]р[ь] Кощей сталъ светель / и радостень. Самъ взговоритъ таково / слово: «Спасибо-де кн[я]зю Владимиру и в/семъ киевланемъ, что отдали мне Ми/хайлову жену руками, а мне было не ви/дать Михайловой жены, что ушей своихъ /, а сколко бало не стоять под Киевомъ, а от/итти было и обещещену». А самъ пошолъ / от Киева прочь во свою землю. /

Ажно приехолъ ис поля Михайла По/къ⁵ Ивановичъ и едетъ онъ на свой богатырской || дворъ, и встречают ево люди дворовые / а сказывают л. 134 об. вести недобрые, что отда/ли жену ево руками киевлане ц[а]рю Кощею Золотой Орде. И тутъ Михайло закру/чинился и ездитъ он по граду Киеву, а самъ говорить громкимъ голосомъ: «Со/баки мужики киевлане, за что отдали / жену мою верную неверному ц[а]рю Кощею Золотой Орде, управлюся я с ва/ми опосле». / И поехолъ Михайло во чисто поля /, а Кощей ушелъ от Киева ровно за 30 ве/рст. И догналъ ц[а]ря Кощея, ажно / ц[а]р[ь] Кощей на стану стоять и почивъ / держитъ. А самъ взговоритъ таково / слово: «Светъ моя милая лебедь бе/лая Авдогя Лихотовна, жила ты во граде || Киеве, тогда слыла жена богатырская, а / и слыла л. 135 боярская, а ныне станешъ слыть / ц[а]р[ь]ицею Золотой Орды». И она на

⁴ Так в ркп.

⁵ Так в ркп.

то слово / прелстилася и увидела жъ, Михайло иде/тъ ко белу шатру, сама возговорит тако/во слово: «Светъ г[осу]д[а]рь, Михайла Потокъ Ивановичъ, рада тебя увидела, не хочю жить / у невернова ц[а]ря Кошья Золотой Орды, хо/чю жить у тебя, богатыря светорускова, / возми меня во Киевъ градъ попрже/му». Подносить ему питья пьянова, испи/ваетъ з дороги Михайло питья пьяно/ва и ложится спат у бела шатра. И почела будить лебедь белая ц[а]ря Кошья Золотой Орды: «Во стань, г[осу]д[а]рь, вотъ пришелъ недругъ / твой Михайло Потокъ Ивановичъ, предай ево злой смерти во чистомъ поле» / Что возговоритъ ц[а]рь Кошья: «Прямая ты || собака безверная, мне Михайла Потокъ / какой недругъ: дважды меня наехалъ во / чистомъ поле, в беле шатре соннова, се / меня не предашь смерти скорые. Ты какъ / хочешъ сама с нимъ». И велель прибрать ружье богатырское и палку железную, а самъ поехалъ воз свою землю, а белую лебе/дь с собою де взялъ. /

А Михайла спалъ два дни и две ноши / и на утрие пробужается, ажно нетъ в у не/во ружья богатырскова, ни палки желе/зные, одинъ стоитъ ево добрый конь, / и тотъ былъ далече во чистомъ поле. И садится Михайла на свой доброй / конь и доежаетъ ц[а]ря Кошья Золотой / Орды, ажно ц[а]рь Кошья на стану сто/итъ и опочивъ держитъ. Идетъ Миха/йло ко белу шатру. И увидела ево лебедь белая, || встречает она ево во беле шатре, сама воз/говоритъ таково слово: «Светъ Михайла / Потокъ Ивановичъ, рада тебя увидела, / что ты мое д[е]лство разтлилъ, не хочу / жить у невернова ц[а]ря, хочю жить у те/бя, богатыря светорускова, возми ме/ня с собою во Киевъ градъ». И тутъ Миха/йло задумался, а опосли воспоминается: хо/щеть со мною жить по старому. И подно/ситъ ему питья пьянова. Испиваетъ з/дороги Михайла Потокъ, ложится спать / у бела шатра. И она почала будить: «Воста/нь, г[осу]д[а]рь ц[а]рь Золотой Орды, пришел недругъ / твой Михайла Потокъ Ивановичъ, преда/й его злой смерти, азъ де не предамъ зло/й смерти, и он тебя предасть злой смерти / во чистомъ поле». / Что возговоритъ ц[а]рь Кошья Золотой Орды: / «Мне Михайло какой недругъ: двожды наехалъ || меня во чистомъ поле соннова в беле/шатре, се не предашь смерти, как хочешъ / сама с нимъ». И лебедь белая снимает / с правой руки берчать рукавъ и зави/ваетъ Михайлу очи ясные, и ударила / ничь рукою: «Лежи ты, Михайла Потокъ / Ивановичъ, во чистомъ поле каменемъ». / И Михайло вес окаменель, а сами поехали / в Золоту Орду. /

Ажно приехали в Киевъ градъ Миха/йловы товарищи, идутъ наскоре къ / великому кн[я]зю Владимиру, бьют чело/мъ о сыру землю, сами возговоря/тъ / таково слово: «От насъ тебе, г[осу]д[а]рь, службы / заслужены, привезли дани и выходы». / И великий кн[я]зь подносить зелена вина / и запиваютъ меды сладкими. И почали || спрашивать про Михайлу Потока Ивано/вича. И киеленя⁶ нача рассказывать, какъ при/весъ дани и выходы, и какъ привесъ ле/бедь белую, и какъ кр[ес]тилъ ея, и какъ за / себя женоу взялъ, и какъ без нево три/жды приходилъ ц[а]рь Кошья Золотой Орды, и какъ Михайла силу кошееву побилъ, и какъ киевляне отдали жenu ево лебе/дь белую, и какъ Михайло в погоню по/гнал. /

Что возговорит Илья Муромецъ: «Поеде/мъ, Олеша Поповичъ, брата Михай/лы сыскивать». И садятся на свое добрые / кони и едутъ далече во чисто поле и при/ежают х белу каменю, ажно у белова ка/мени стоитъ калика прохожая, риза на ней || земли сорочинские, а клубукъ земли гречес/кие, подсумокъ у калики бархатной, вышит золотомъ волоченымъ, а посохъ у / калики рубен зубъ. /

⁶ Так в ркп

Что взговорит калика прохожая: «Ой еси, / богатыри светорусские, пойдите ко мне хле/ба есть». Что возговорают богатыри свето/русские: «Скажи намъ, калика прохожа/я, про ц[а]рство кощеево и про Михайлу По/тока Ивановича». И стали они хлеба есть. / Поетчи хлеба, стали опочивъ держать, / и спали два дни и две нощи. Наутрие / пробужаются. / Калика прохожая нам возговорить / таково слово: «Братцы богатыри свето/русские, ночесь мне мало спалося, м/ного виделось, кабы от сего камени отмеревши || три лактя на восточную сторону лежит / казна несметная» л. 138
 И поехали ямы рыть / и нашли казну несметную. И почель кали/ка казну делить начетверо. Что возговорают русские прохожие богатыри: / «Что ты, калика, делишь казну начетверо?». / Ответь держитъ калика прохожая: «Кто, / де сей камень вподыметъ и бросить че/рес себя, тому четвертой жеребей». Илья поднелъ камень в груди, а Олеша поднелъ / толка в поесь, а калика вподнелъ и бро/силъ черес себя, а самъ невидимъ бысть, / а ис тово камени выскочилъ Михайла / Потокъ Ивановичъ: «Спаль братецъ дол/го во чистомъ поле, спат бало тебе дол/го и не пробудится, разбудил тебя, Ми/хайла, арханьель н[е]б[ес]ныхъ силъ». / И почель имъ расказывать, как ехол возле || моря синева и какъ привес дани л. 138 об.
 и выхо/ды наскоре, и какъ наехоль лебедь бе/лую, и какъ крестилъ ея, и какъ за се/бя женою взялъ, и какъ трижды при/ходилъ ц[а]рь Кощей, и какъ его обрати/ла лебедь белая белымъ камениемъ. / Что возговорают ево товарищи: «Поеде/мъ, братцы, во ц[а]рство кощеево, лебе/дь белую убьемъ, а ц[а]рю Кошею жи/ву очи вынемъ». И поехали под ц[а]рство / кощеево. Что взговорить Михайла / Потокъ Ивановичъ: «Постойте, братцы, / во чистомъ поле, а я одинъ с Кошее/мъ управлюся». И поехалъ во ц[а]рство / кощеево. И увидела ево лебедь бела/я, мечется наскоре: «Рада тебя уви/дела, Михайло Потокъ Ивановичъ, не хочу || не хочу жит л. 139
 у невернова ц[а]ря Кошея / Золотой Орды, хошу жить у тебя, / богатыря светорусскова, возми меня / во Киевъ градъ попржнему». Подно/ситъ ему зелена вина. И испиваетъ / Михайло з дороги питя пьянова и ло/житца спать во тереме. / Ажно пришелъ ц[а]рь Кощей. Стала ле/бедь белая тешитса в шахматы играт, / и она ему возговорить таково сло/во: «Г[осу]д[а]рь ты мой, Кощей, вот пришел / недругъ твой Михайло Потокъ Ивановичъ. Предай ево злой смерти». / Что возговорить ц[а]рь Кощей: «Какъ / хочешъ сама с нимъ». И она велела е/во снести в ызбу поваренную и приковать || к стене накрепко. И сидит Михайло до ве/чера. Какъ будетъ о полуночи, ажно при/шла к нему дочь ц[а]ря Кошея Золотой Орды л. 139 об.
 Ганка кошеева, сама глядя на него / прослезилася: «Видиш ли, Михайло, что / над тобою делаетъ жена твоя?». / И что взговорить Михайла Потокъ / Ивановичъ: «Ой еси ты, дочь ц[а]ря Коше/я Зотой⁷ Орды, Ганка кошеева, подай ты / мне палку железную и все оружие бо/гатырское, а я тебя за себя в жену во/зму». И засвисталъ Михайла Потокъ Ива/новичъ своимъ богатырскимъ голосо/мъ, ажно мечутся ево товарищи И/лья Муромецъ да Олеша Поповичъ. И / побивают силу кошееву, а Кошею ц[а]рю живу очи || вынули, а лебедь белую привяли⁸ / г добру коню за л. 140
 хвость и опусти/ли далече во чисто поле, а казну в/зяли несметную, а и Ганку, дочь коше/еву, с собою взяли. И поехали в Ки/евъ градъ. И нача жить лучше пре/жнево, пити и нясти и весе/литися. Тутъ коне/цъ тремъ бо/гатыремъ / земли русь/кие и града / Киева.

Описано с киевской с печатной типографии / за номеромъ руки кн[я]зя Влад/димера 1738 1 числа.

⁷ Так в ркп

⁸ Так в ркп

л. 7 **Сказание о трехъ богатырѣхъ киевскихъ о славныхъ / витезехъ
о Ильѣ Муромце / и о Михайле Потокѣ Ивано/виче и о Олеше
Поповиче⁹**

Во славном градѣ Киевѣ у великаго кн[я]зя Владимира / киевскаго Всеславевича былъ / пиръ навеселѣ про всѣхъ / кн[я]зей и боярѣ и сильныхъ мо/гучихъ богатырей. И какъ будет / у нихъ пиръ навеселѣ, и князь Влад/имеръ взговоритъ таково / слово: «Все мои кн[я]зи и бояра / и сильные могучие богатыри, есть / ли изъ васъ кому у меня служит / три службы великие, кто бы ехал / в землю || выходы за 33 года, и кто бы ехалъ / в землю задонску взять бы дани / и выходы за 33 года, и кто бы ехалъ / в землю алевицкую взять бы дани / и выходы за 33 года». И тутъ все / кн[я]зи и вельможи призадумалис, / и никто великому кн[я]зю отвѣту / не даетъ. И хоронятся болшия / за меншихъ, а у меншихъ давно / отвѣту. И тутъ взговоритъ / силни могучий богатырь Илья Муроме/цъ таково слово: «Светъ г[осу]д[а]рѣ Влад/имер кн[я]зѣ киевски, я, г[осу]д[а]рѣ, еду в землю турецкую, возму / дани и выходы за 33 года». И Михай/ло Потокъ Ивановичъ взговоритъ / таково слово: «И я-де, г[осу]д[а]рѣ, еду в землю / задонскую, возму дани и выходы / за 33 года». Алеша Поповичъ || взговоритъ таково слово: / «Я-де, г[осу]д[а]рѣ, еду в землю алевицкую, / возьму дани и выходы за 33 года». / И те речи великому кн[я]зю полюби/лис, и сталъ князь Владимир / за те речи чару зелена / вина подносить силнимъ бо/гатырямъ. И выпили зелено ви/но и запоюютъ они меды сла/дкими и с великимъ кн[я]земъ / Владимиромъ прощаются /, да оне же себя называютца братьями названными. первое р... / написана.

И сядятца на свои / богатырские кони, ис Киева вонъ поеха/ли. И какъ будутъ отъ Киева града за/пяты верствъ, и межъ собой про/шяютца, а сами называются они || братьями названными. И взговорят / таково слово: «Братцы, де милые, / кто изъ насъ напередъ в Киевъ / градъ приедетъ, а ково не будет / изъ насъ, а послѣ насъ, того искать». И про/стилися все и поехали в разные дороги, / всякъ своимъ путемъ. Ильѣ Муромецъ / поехал на рѣку Смородину, на мосты / калиновые, на Соловья разбойника. / Уже та дорога залегла тому / равно тридцать лѣтъ, ни еди/ной годъ ч[е]л[о]в[е]къ не прохаживалъ ни пешей. А Михайло / Потокъ Ивановичъ поехалъ / дорогою святюрскою, возле / море. Алеша Поповичъ пое/хал Ставровою дорогою.

И прости/лися все и поехали все в разные || дороги, всякъ своимъ путе/мъ. Михайло Потокъ Ива/новичъ возле море синее и у/виделъ на море, ажно плава/етъ по морю лебедь бѣлая, и тутъ Михайло Потокъ / Ивановичъ вынимаетъ изъ на/лучни своей крепкой лукъ, ис колчана калену стрелу и хо/щеть убить лѣбѣдь бѣлую. / И она ему провѣщаетъ ч[е]л[о]в[е]чскимъ гласомъ и рече: «Г[осу]д[а]рѣ Ми/хайло Потокъ Ивановичъ, / не стреляй меня, лебѣдь бѣлую, / я плаваю по морю лѣбѣдью, / а предъ тобою стану красною дѣ/вицею». И Михайло Потокъ Ива/новичъ не успелъ в налучий лукъ || свой, а в колчан каленые стрѣ/лы, ажно предъ нимъ стала / девица лицемъ зѣло красна. / И Михаилу Потоку Ивановичю полюби/лас, и беретъ ея за / бѣлые руки, и целуетъ во /уста сахарные, и сажаетъ / на свой богатырской конь, / а себѣ взял другово коня, и взял / дани и выходы за 33 года, и по/ехалъ с нею в Киевъ градъ. /

И приехалъ, становитца на своемъ / богатырскомъ дворѣ идет / ко князю Владимиру, а самъ / бьетъ челомъ кн[я]зю Владими/ру о сырую землю и говоритъ / таково слово: «Светъ г[осу]д[а]рѣ великий кн[я]зѣ Вла/димеръ киевский || привесь я дани и выходы за 33 года». / И кн[я]зѣ Вла-

⁹ Ручопись БАН, 26.8.41 (нов. 1481), в 8-ку, середины XVIII в., 16 лл.

димеръ возговорил таково / слово: «Тебѣ у меня казна не запе/чтана, Михайло, и добрые ко/ни у меня не затворены». И подносит кн[я]зь Влади- димеръ ему чару зеле/на вина, запиваютъ меды / сладкими. И тутъ Ми- хайло / Потокъ Ивановичъ бьетъ / челомъ великому кн[я]зю Влади/меру о сырую землю, а самъ / возговоритъ таково слово: «Светъ / г[осу]д[а]рь, великий кн[я]зь Владимиръ / киевский, наехалъ я возле / море синее, ажно по морю по/плаваетъ лебѣдь бѣлая, и я / выналь из налучья свой кре/пкой лукъ, а ис колчана калену || стрелу и хотель убить / лѣбѣду бѣлую, и она мнѣ провѣща/ла ч[е]л[о]в[е]чскимъ гласомъ: «Михай/ло Потокъ Ивановичъ, не стреляй /меня, лѣбѣдь бѣлую, а пред то/бою стану красною деви- цею». / И я не успель положить в на/лучья свой крепкой лукъ, ажно / предо мною стала дѣвица лицомъ / зело красна. И мнѣ она зело / полю- билас, и я привесъ с собою в Ки/евъ град на свой богатырской двор». И кн[я]зь Владимиръ взговоритъ таково слово: / «Михайло Потокъ Ива- новичъ, уступи / мнѣ». И Михайло отвѣтъ держит: / «Г[осу]д[а]рь кн[я]зь Владимиръ Всеславъ/евичъ, самъ я с нею венчался / и крестиль ея и дал имя Авдотья || Лиховидовна, и венчал нас архиерей / черниговски». л. 4 об. И сталь с нею Ми/хайло любезно жить. И живет / с нею равно три года, а това/рищи ево в Киевъ град еще / не бывали.

И поехал Михайло / в чистое полѣ тѣшится равно / на два м[еся]ца, а бѣз него приехал / под Киевъ градъ купчина Золо/той Орды с товары заморскими / И провѣдала жена Михайла / Потока Ивановича и пошла / тѣхъ товаров смотреть. / И увидѣль купчина красо/ту лица ея и сталь спра/шивать мужиковъ кие/вских, чья-де ета жена и как /ея зовуть по имени и по отчеству. И киевлена || ему сказали: «Эта-де у нас жена / бога- л. 5 об. тырская, Михаила Пото/ка Ивановича, а зовут ея Авдотя / Лиховидовна». И тутъ купчина / почаль товары продавать / наскоро, и распродалъ все товары / и поехалъ во свою землю. И какъ / будетъ в Золотой Орде у ц[а]ря / Кошчей невѣрнова, / а самъ зговоритъ таково / слово: «Светъ г[осу]д[а]рь Кошчей Зо/лотой Орды, сколько я ни ежжи/валь землямъ и по городамъ / купчиной, а такой прекрасной / не видал, что во граде Киевѣ / у богатыря сяторусково Миха/ила Потока Ивановича жена / ево аки лѣбѣдь бѣлая, а по имени || Авдотя Лиховидовна, лицомъ зѣ/ло красна». л. 6 И тутъ ц[а]рь Кошчей / собралъ силы 40 тысящъ и по/шелъ под Киевъ градъ. / И осадиль Киевъ градъ накре/пко и посылаеть послы своя / в Киевъ град кн[я]зю Владимиру: / «Ой еси, кн[я]зь Владимиръ / киевской, отдай мнѣ же/ну Михайлову, я от Киева / прочь пойду, а буде ты не / отдашь жены Михайловы, / и я Киевъ градъ взятъемъ / возму, а людей твоих всехъ / порублю, а женъ ихъ и дѣ/тей в полонъ возму». И кн[я]зь / Владимиръ взговоритъ / таково слово: «Ой есь вы / кн[я]зья и бояра и все киевлене, || думу думайте да не про/думайтесь, отдать ли мнѣ / жену Ми- хайлову или не от/давать, а топере у насъ / в Киеве граде силных бога/ты- рей не случилось, некому / выехать противъ силы / кошечевы, и Михайло приедет / с поля, станеть сердится / и станеть мужиковъ побивать и кн[я]зей и бояръ». И все/киевлене взговорять таково слово: «Г[осу]д[а]рь кн[я]зь Владимир / киевский, доселева не было / в Киеве жены Михаила По/тока Ивановича, и ц[а]рь Кошчей / по тѣхъ местъ в Киевъ / град не при- хаживаль / и Киева града не осаживаль, || и тебѣ, г[осу]д[а]рь, такой кру- чины / не было, дадимъ мы жену / Михайлову, и ц[а]рь Кошчей / от Киева прочь поидеть, / а Михаилу дадимъ вы/брать во всемъ Киеве гра/де, гдѣ онъ похощеть, / тутъ и возметъ, у кн[я]зья / или у боярина дочь или дѣ/вку посацкую, такая же / жена будетъ».

Ажно провѣ/щится сердце богатырское / Михаила Потока Ивановича, и едетъ ис поля чисто/во на свой богатырской / дворъ. И встречаеть ево

л. 7 об. / жена, лебѣдъ бѣлая Авдот/я Лиховидовна, а сама / взговорить таково || слово: «Светъ г[осу]д[а]рь Михайло Потокъ Ивановичъ, бѣс те/бя, г[осу]д[а]рь, приехалъ ц[а]рь / Кощей Золотой Орды под Киевъ градъ, а силы с нимъ / 40 тысящъ, и Киевъ град / осадилъ накрепко, а про/шаетъ меня вонъ ис Киева, и киевлене придумали / отдать меня ц[а]рю Кощею / невѣрному». И Михайло По/токъ Ивановичъ взговорит / таково слово: «Собаки мужи/ки киевлене, ссужались / бы они своими женами и до/череями, а я за свою жену / стану». И Михайло Потокъ / Ивановичъ не вьезжая на свой / богатырской дворъ, и поехал || ис Киева вонъ, и напу/щает/ся на силу кощею, и побил¹⁰васть всю силу кощею. Ц[а]рь / Кощей толко самъ с четверты/мъ ушелъ во свою землю. / И Михайло Потокъ побилъ всю / силу кощею. /

л. 8 об. И приехалъ на свой бога/тырской дворъ и сталъ зъ же/ною своею пити и ясти и ве/селитися. И живеть с нею / ровно три годы, а товарищи ево еще не бывали в Киевъ / град. И Михайло Потокъ Ива/новичъ еще поехалъ в чи/стое поле тѣшитца равно / на три м[еся]ца, а бѣз него при/шелъ ц[а]рь Кощей Золотой / Орды, а силы с нимъ || 90 тысящъ и Киевъ град осадил / накрепко. И посылаетъ пос/лы своя кн[я]зю Влади/меру / киевскому и просить жену / Михайлову, прекрасную Авдо/тью Лиховидовну: «И я от Ки/ева града прочь пойду, / а буде не отдашь, и я вашъ / градъ взятъемъ возму, а лю/дей твоих в Киеве граде / всехъ вы/рублю, а женъ и дѣтей в полонъ возму, и тебѣ, кн[я]зю, не спущу». И кн[я]зь Влади/меръ киевской взговорить / таково слово: «Ой еси вы кн[я]зи / и бояра и все киевлене града / Киева, думу думайте да / не про/думайтесь, отдават ли намъ || жену Михайлову или не от/давать. А тепере у насъ / в Киеве сильныхъ богаты/рей не случилось и некому / выехать против силы / кощею и супротив ц[а]ря / Кощей невѣрною, а Миха/йло приедеть с поля, станет / побивать кн[я]зей и бояръ / и всехъ киевленъ».

л. 9 об. Взговорят: / «Светъ г[осу]д[а]рь кн[я]зь киевский, / доселева в Киеве градъ же¹¹ / Михайловы не бывало и ц[а]рь / Кощей под Киевъ градъ / не прихаживалъ и Киева / града не осаживалъ накре/пко и тебѣ, г[осу]д[а]рь, такой / кручины не бывало. Отдадим || жену Михайлову, и ц[а]рь Ко/щей от Киева прочь поидеть, / а Михайлу дадимъ выбра/ть в Киев граде, гдѣ онъ / похощеть, тутъ и возьмет: / у кн[я]зя или у боярина или / у купецкого ч[е]л[о]в[е]ка возьметъ / и ему такова ж жена будет». / А того не вѣдають, что Ми/хайло бьется с ц[а]ремъ / Кощею и съ ево силой, бился / три дни. А в то время жена / ево преставилась.

л. 9 об. И побилъ / Михайло всю силу кощею, / едва ц[а]рь Кощей толко / самъ трѣтій ушелъ. И едет / Михайло ис поля на свой / богатырской дворъ и

л. 10 об. встретили ево люди || дворовые среди двора и сказы/ваютъ ему, что де жена / твоя, лѣбѣдъ бѣлая, преста/вилась. И тутъ Михайло ве/льми закручинился, что де / не встречаетъ ево лѣбѣдъ / бѣлая, за руки не прини/маетъ. Идетъ Михайла во / отхожую горницу, гдѣ жена / ево лежитъ во гробъ меръ/тва и покрыта камкою бѣлою. И Михайло взговорить / таково слово: «Прости-де/ть мои, лѣбѣдъ бѣлая / Авдотья Лиховидовна, / помню

л. 10 об. я, что у нас с то/бою было заправанось...¹², кто у насъ напередъ || умереть, кто остане/тца, и тому в могилу живо/му лѣчи. И велель Ми/хайло / могилу копат широко и глу/боку и гробницу выклады/вать каменную, чтоб было / лечь двумъ ч[е]л[о]в[е]камъ и си/дять и стоять свободно / . И зоветь Михайло на погре/бѣние кн[я]зей и бояръ и зове/ть кн[я]зя Вла-

¹⁰ В ркп. зачеркнуто лѣ.

¹¹ Недописано слово жены.

¹² Конец строки неясен.

димера / киевскаго Всеславъевича / и владыку черниговскаго и весь / Киевъ градъ. И съехались / на погребение. И почаль / Михайло жену свою во гроб / клась, и самъ с нею ложит/ца во гробъ. И тутъ || взговорять ^{л. 11} все кн[я]зя / и бояра и все киевлене: / «Нигдѣ того не слыхано, / чтобъ живыя ложились / во гроб с мертвыми, а ты, / Михайло, жив не ложишь / самъ во гробъ с мертвою / женою своею. Или у насъ / в Киеве людей нетъ, а / такихъ красныхъ не выбе/решь? Захотѣлъ бы, и боя/рыню взялъ или дѣвку / посатцкую, и тебе такова ж / была». И Михайло ответъ держитъ: «Знайте всякъ / себя, указывайте дома, / закопывайте гробницу, не мѣш-кайтѣ». / И кн[я]зь || Владимиръ взговоритъ / таково слово: «Накладывайте досками дубовы/ми и засыпайте песками желтыми, над гробни/цею поставте сторожи / крепкие. Какъ Михайлу / скучится, станет / крычать громкимъ / гласомъ, и вы раскопы/вайте Михайлу на во/лней светъ». И те все / по домамъ разохались. / И Михайло лежить с нею, / з женою мертвою, д[е]нь до / вечера. И какъ будетъ в полунощи, ажно пришла / к нему в гробницу змея лютая || и гробницу прогрызла / и пу- ^{л. 12} стила в гробницу двухъ / змеенковъ, дѣтей своих. / И змеенки почали ссать / жену ево, лѣбѣдь бѣлую, / за груди. И Михайло уха/тилъ змеенков и хотѣл / разорвать их надвое, / ажно провѣщитъ ему / змея лютая ч[е]л[о]в[е]ч[е]скимъ / гласомъ: «Михайло-де По/токъ Ивановичъ, не рви / моихъ змеенковъ мале/нких, я тебѣ принесу жи/вой воды». И Михайло отвѣтъ / даетъ: «Поди ты, змея / лютая, принеси живой / воды, и тогда я спущу || дѣтей твоих». И пошла змея / лютая и принесла ему живой / воды. И Михайло почаль змеенков рвать надвое и по/мазала живую водою, ажно / они ожили. И потомъ пома/зала свою мертвую / жену, лѣбѣдь бѣлую, жена / ево бутто от сна пробудила/сь. И тутъ Михайло засви/сталъ громкимъ богаты/рскимъ голосомъ. И почели ево / сторожа раскопывать. И бѣ/рутъ ево за бѣлые руки, а онъ ведетъ за собою жену / свою, лѣбѣдь бѣлую, за руку. / И тутъ все киевлене поди/вились, что была мертва жена || ^{л. 13} Михайлова, а Михайло ожи/вилъ ея. И пошедъ в домъ / свой и сталъ с нею Миха/йло жить любезно, лутче / старово. И жилъ с нею равно / пять лѣтъ, а товарищи / ево еще не бывали в Киевъ / град. И сталъ Михайло в чи/стое поле ездить те/шитца равно на пять / мѣсяцѣв. / А без него пришелъ под Ки/евъ град ц[а]рь Кощей / Золотой Орды, а силы с ним / 100 ты-сящъ и Киевъ град / осадилъ накрепко и по/сылаетъ в Киевъ градъ / ко князю Владимиру Все/славъевичу: || «Дай мнѣ жену Михайло/ву, и я от ^{л. 13 об.} Киева прочь по/иду. Ежели ты не отда/шь мнѣ жены Миха/иловы, и я твой Киевъ / град осажу накрепко / и огнемъ пожгу и мужиков / всехъ в Киеве вырублю, / а женъ и дѣтей в полонъ / возму, самому тебѣ не спущу». И кн[я]зь / Владимиръ взговоритъ та/ково слово: «Ой еси вы кн[я]зи и бояра и все киевлене, думайте думу накрепко, / отдавать ли намъ жену / Михайлову, или не отдава/ть». Кн[я]зи и бояра и все киевлене придумали: отда/димъ || мы жену Михайлову. И отдавше / ц[а]рю Кошею ^{л. 14} невѣрному. И ц[а]рь / Кощей бѣретъ за бѣлые ру/ки и подвель ея в свой бѣлъ / шатерь, а самъ от Киева / прочь пошелъ. Ажно прие/халъ ис чистово поля Миха/ло Потокъ Ивановичъ / в Киевъ град на свой бога/тырской дворъ, и встречают/ево люди дворовые и сказываю/тъ, что-де отдали жену / твою, лѣбѣдь бѣлую-киевле/не ц[а]рю Кошею невѣрному. И тутъ Михайло закручи/нилься, не слезая с своего / добраго коня и поехалъ / по граду Киеву и закрывалъ || громкимъ гласомъ: «Ой еси / вы, ^{л. 14 об.} собаки мужики киевле/не бѣзвѣрные, почто вы / отдали жену мою крещеную / ц[а]рю Кошею невѣрному, / управлюся я с вами опосле». / Мужики ис Киева разбежалис, / и ц[а]рь Кощей от Киева отшелъ / равно трицать дней. И Миха/йло Потокъ Ивановичъ догонил / его в три часа. Ажно

ц[а]рь Кошей на стану стоитъ, / з женою ево, лѣбѣдью бѣлою, / опочивъ держитъ. Миха/йло Потокъ Ивановичъ / едетъ прямо к бѣлу / шатру. / л. 15 И увидѣла ево лѣбѣдъ || бѣлая и встречается ево / из бѣла шатра, а сама взго/воритъ таково слово: «Светъ г[осу]д[а]рь Михайло Потокъ Ивано/вичъ, рада я, что я тебя / увидѣла, не хошу жить / у ц[а]ря Кошея невѣрно/во в Золотой Орде, а хошу / жить в Киеве градѣ у бога/тыря свято-русского. Изволь / меня взять к себѣ попреж/нему». И стала подносить жѣ лѣбѣдъ бѣлая Михаилу Пото/ку Ивановичю питья пѣя/ново. И тутъ Михайло испи/ваетъ з дороги и ложитца / спать в бѣлѣ шатре. / И мечется л. 15 об. лѣбѣдъ || бѣлая наскоро и будитъ ц[а]ря / Кошея невѣрново: «Г[осу]д[а]рь / ц[а]рь Кошей, приехалѣ / к тебѣ недругъ твой Ми/хайло Потокъ Ивано-вичъ, / предай ево смерти скорыя, и онъ за тобою не гоняется». / И ц[а]рь Кошей невѣрной отве/тъ держитъ: «Мнѣ Михайло / какой недругъ? На-ехал онъ ме/ня в чистомъ поле в бѣлѣ / шатре сонного, се не пре/далъ мнѣ смерти скорыя. И какъ хощешь сама / с нимъ». И лѣбѣдъ бѣлая веле/ла л. 16 у него обратъ оружие богатырское и пали/цу желѣзную и завязала || ему очи ясныя и ударила ево / ничъ рукою: «Лежи ты де, Миха/йло, в чистомъ полѣ под бѣлы/мъ каменемъ». И Михай/ло весь окаменелъ. А сами по-ехали в Золоту Орду.

Ажно приехали в Киевъ / градъ ево товарищи / и привезли дани и вы-воды. / И почали спрашивать про / Михаила Потока Ивано/вича. И мужики киевлене ска/зали им се, какъ онъ при/весь дани и выводы и при-весь / девицу и крестилъ ея / и какъ женился и какъ пре/ставилась, и л. 16 об. какъ оживил / ея и какъ ц[а]рь Кошей невѣрной и какъ Киевъ || град накрепко.